

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-8-18>

УДК:316.45

Attribution

cc by

**ВАРИАТИВНОСТЬ ТРУДОВЫХ УСТАНОВОК
СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Суркова И. Ю., Нечаев В.А.

Поволжский институт управления – филиал РАНХиГС

Аннотация. Статья посвящена анализу трудовых установок современной студенческой молодежи и их вариативности в условиях социальной неопределенности. Теоретической основой исследования выступают представления о трансформации отношения молодого поколения к труду в условиях рыночной экономики и изменения моделей профессиональной самореализации. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования студентов вузов Саратовской области. Исследование включало оценку представлений респондентов об условиях и содержании труда, карьерных перспективах, профессиональном развитии, материальном вознаграждении, престиже профессии и общественной значимости трудовой деятельности. Установлено, что трудовые ориентации студенческой молодежи сочетают прагматические и ценностно-смысловые установки. Делается вывод о гибридном характере трудовых установок молодежи, объединяющем традиционные представления о стабильности и материальной обеспеченности с ориентацией на самореализацию, развитие и общественную значимость труда.

Ключевые слова: студенческая молодежь, трудовые установки, трудовая мотивация, рынок труда, профессиональная самореализация, карьера, профессиональные траектории, благополучие.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2026 г. по теме: «Трансформация модели трудового поведения в условиях становления традиционной ценностной парадигмы» (№1.5-2026–1).

Original article

THE VARIABILITY OF WORK ATTITUDES AMONG MODERN STUDENT YOUTH

Irina Yu. Surkova, Valerij A. Nechaev

Povolzhsky Institute of Management, RANEPA

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work-related attitudes of modern student youth and their variability under conditions of social uncertainty. The theoretical basis of the study is the concept of the transformation of the younger generation's attitude towards work in a market economy and the changes in models of professional self-realization. The empirical basis consists of the results of the research of university students in the Saratov region. The study included an assessment of the respondents' views on the conditions and content of work, career prospects, professional development, material remuneration, the prestige of the profession, and the social significance of work. It has been established that the work-related attitudes of student youth combine pragmatic and value-semantic orientations. The conclusion is drawn that young people's work attitudes are hybrid in nature, combining traditional ideas about stability and material security with a focus on self-realization, personal development, and the social significance of work.

Keywords: students' youth, work attitudes, work motivation, labor market, professional self-realization, career, professional trajectories, well-being.

Funding: The article was prepared as part of the research work carried out under the state assignment of RANEPA for 2026 on the topic: "Transformation of the model of work behavior in the context of the formation of the traditional value paradigm" (No. 1.5-2026–1).

Введение.

Высокая социальная неопределенность, ускорение социальных ритмов, фрагментация жизненного цикла, размывание классических возрастных нормативов способствуют формированию у молодежи состояния «отложенной взрослости». Вследствие этого, труд перестает восприниматься как линейный путь к стабильности и экономической самостоятельности, превращаясь в инструмент конструирования ступенчатых профессиональных траекторий.

При этом новая реальность, опосредованная влиянием цифровой экономики и прекаризации заня-

тости, заставляет молодых людей регулярно пересматривать свои карьерные установки и планы профессионального развития.

Аттитуды трудового поведения студентов уже выходят за рамки дилеммы «доход или интерес», становясь способом согласования личных предпочтений, профессиональных ожиданий с социальными требованиями.

Обсуждение.

Традиционно фокус исследований был направлен на структурные изменения экономики и межпоколенческие диспропорции на предприятиях,

обусловившие острый дефицит кадров [1]. Данная тенденция усугубляется значительным преобладанием старшего поколения работников в возрастной группе от 35 до 65 лет - порядка 50% - над молодым экономически активным населением [2], что маркирует потребность привлечения молодежи в производство. Однако в современной научной риторике все больше внимания уделяется различным аспектам темпорального сдвига, во время которого труд перестает рассматриваться молодыми людьми статично зафиксированной обязанностью, а становится пространством креативных изысканий, самореализации, социально-психологического комфорта, способом определения индивидуального жизненного стиля [3; 4].

Результаты он-лайн опроса, проведенного П. А. Басвым, подтверждают неоднородность, а зачастую - и противоречивость трудовых предпочтений молодежи [5]. Так, в структуре факторов профессионального роста доминируют «экономические притязания» (54%) и «социальная успешность» (47%), тогда как саморазвитие (39%) и полезность обществу (35%) явно уходят на второй план. При этом аутсайдером в наборе факторов, влияющих на профессиональный рост, становится «стабильность работы» (12%), что может говорить о готовности респондентов к риску и изменениям.

Такой «гибридный» характер трудовой этики - сочетание прагматизма с постматериальными устремлениями - требует пристального изучения, поскольку именно молодёжь задаёт векторы изменений на рынке труда будущего.

В своих исследованиях А. Поплавская [6] отмечает, что профессиональное самовосприятие молодежи, готовой к саморазвитию и решению нестандартных задач, формируется институциональной средой рыночной экономики, концепцией «агентов», которые через масс-медиа транслируют визуализацию успеха. Социальный диссонанс вызывает то, что СМИ демонстрируют исключительно позитивный результат, нивелируя усилия и трудности, которые сопровождают профессиональный рост, имманентные традиционному пониманию трудовой деятельности, о котором говорил еще Г. Зиммель.

В связи с этим, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения не только того, что молодёжь ценит в работе, но и как через эти ценности происходит определение профессиональных траекторий и моделей трудового поведения.

Изучение дифференциации трудовых ориентаций в зависимости от профиля подготовки и опыта работы позволяет выявить, какие темпоральные стратегии (ориентация на быстрый старт, долгосрочное накопление капитала или баланс работы и жизни) доминируют в различных сегментах студенчества.

Очевидно, что традиционные линейные модели профессионализации меняют темпоральный алгоритм на нелинейные, проектные, ситуативные треки, что позволяет использовать результаты данного исследова-

ния при запуске механизмов социальной адаптации и конструирования карьерных маршрутов молодежи.

Методология.

Исследование проводилось в 2026 году среди студентов основных профессиональных профилей / специальностей ключевых вузов Саратовской области методом анкетного опроса.

Выборочная совокупность составила 915 респондентов (инженерное дело, технологии, технические и математические науки - 14%; здравоохранение и медицинские науки - 22,4%; сельскохозяйственные науки - 16,8%; науки об обществе и гуманитарные науки - 46,8%).

Смещение выборки в сторону гуманитарного и социального профиля определяется явным преобладанием в регионе вузов соответствующих направлений подготовки.

В исследовании использовалась стратифицированная выборка с учетом гендерного соотношения респондентов (мужчин - 43%; женщин - 57%). На 1 июня 2026 г. в России проживают 44% мужчин и 56% женщин; таким образом, по гендерному основанию выборка соответствует пропорциям генеральной совокупности. Возрастной диапазон респондентов варьировался от 18 до 30 лет (медиана - 20 лет).

В качестве основного массива данных использовались суждения респондентов относительно трудовых предпочтений и ценностей профессиональной деятельности, выстроенные по 10-балльной шкале.

Подобный формат дает возможность оценить не столько сам факт согласия с суждением, сколько степень влияния той или иной ценности, что особенно важно для фиксации современного студенческого отношения к труду.

Далее ответы были объединены в 3 группы: 1-4 балла (высокие значения), 5-6 баллов (средние значения), 7-10 баллов (низкие значения). Обработка ответов осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics, что позволило провести дискриптивный и сравнительный анализ.

Результаты.

От финансового благополучия к альтруизму.

Результаты анкетирования студентов свидетельствуют о том, что отношение молодёжи к труду формируется под влиянием сразу нескольких факторов. При этом трудовые установки респондентов нельзя свести только к материальной мотивации: наряду с заработной платой, значимыми оказываются содержание работы, возможности профессионального развития, справедливость вознаграждения и ощущение полезности труда, что имплицитно указывает на многокомпонентную структуру трудовых предпочтений и ценностей профессиональной деятельности молодежи (см. таблица 1).

Такая структура ответов показывает, что для студентов труд выступает не просто как обязанность, а как важная часть жизненного выбора, который образует пазл инструментальных и ценностно-смысловых компонентов. При этом наряду с высокой доходностью

значимыми становятся и профессиональное развитие, и справедливость распределения мотивационных стимулов, и ощущение полезности выбранной профессиональной деятельности.

Таблица 1. Оценка трудовых предпочтений и ценностей профессиональной деятельности.

№	Начало шкалы	высокие значения, %	средние значения, %	низкие значения, %
1	Я предпочитаю дистанционную занятость	27,6	35,8	36,4
2	Для меня важно, чтобы содержание работы соответствовало моим интересам	69,2	18,4	12,5
3	Для меня важно, чтобы работа давала карьерные перспективы	78,0	14,4	7,4
4	Для меня важно, чтобы работа давала возможности для профессионального развития	79,9	11,4	8,7
5	Высокий уровень заработной платы для меня принципиален	84,8	9,1	6,0
6	Для меня важна справедливость распределения вознаграждений и поощрений	78,8	13,6	7,6
7	Мне важна независимость в принятии решений	42,9	32,8	24,4
8	Для меня важен престиж профессии или вида деятельности	51,3	29,4	19,3
9	Мне важно, чтобы результаты моего труда были востребованы и значимы для организации	72,7	17,0	10,3
10	Основным мотивом трудиться для меня является польза моим близким	36,8	29,7	33,7
11	Меня не пугает высокая конкуренция за интересующую вакансию	61,0	27,5	11,4
12	Мне важно осознавать, что моя работа приносит пользу обществу и окружающим	46,6	28,6	24,8
13	Меня привлекает работать по заранее установленному сценарию	45,8	33,7	20,5
14	Труд для меня средство достижения цели	71,1	18,6	10,4

Интересно, что вопреки господствующему в публичном дискурсе мнению об активном распространении желания молодежи иметь удаленный и гибридный формат занятости, среди молодежи преобладают нейтральное и безразличное отношение к такому трудоустройству.

Можно предположить, что для студентов интеграция в структуру профессионального сообщества является сложной стрессовой ситуацией, и облегчает этот процесс межличностное общение, работа с

наставниками, возможность прочувствовать влияние корпоративной культуры, что достаточно сложно реализовать в дистанционном формате.

Примечательно, что «удаленка» более привлекательна для парней, ориентированных на автономию и гибкий график работы, чем для девушек, предпочитающих стабильную организационную культуру и социальные контакты (на 7,3%).

Высокий уровень заработной платы, ожидаемо, лидировал в иерархии трудовых ценностей респондентов; при этом справедливость вознаграждения становится важным критерием удовлетворенности работой.

Труд начинает восприниматься молодежью как форма социального договора, в котором приложенные усилия должны конвертироваться в их адекватную и объективную оценку со стороны руководства, коллег, потребителей услуг / клиентов и других акторов профессиональных отношений.

Прагматические установки респондентов проявляются и в оценке престижности профессии, поскольку для половины опрошенных именно это является значимым фактором выбора специальности и места работы. В данном случае может срабатывать формула «престиж = высокий доход». Опыт трудовой деятельности (частичной занятости), несколько снижает значимость внешних атрибутов профессии, т.к. работа в первое время может восприниматься только в качестве источника дохода, позволяющего сепарироваться от семьи (снять квартиру, иметь собственные средства на удовлетворение потребностей, развлечения).

Достаточно большой процент молодежи ориентируется на работу по заданному алгоритму, при четко установленных организационных правилах (45,8%); при этом установка на творчество и новаторство выражена несколько слабее.

Примечательно, что более трети респондентов (34,9%) попали в категорию «средних значений», что латентно указывает на стремление молодых людей иметь работу, на которой будет соблюдаться баланс между организационной предсказуемостью, регламентированностью процессов и возможностью принимать инициативные решения, т. е. гибкий формат работы.

Особого внимания заслуживает отношение студентов к ценности общественной значимости труда. Только 14,8% респондентов, указавших важность труда для общества, готовы идти на непрестижную работу; даже если объединить их со второй группой (нейтральными), то такой процент составит лишь 38,2%. В данном случае проявляется некая декларативность, с одной стороны, высокая оценка полезности социально-значимого труда, а с другой, практическое отсутствие готовности жертвовать для этого своим статусом или доходом.

Итак, анализ карты трудовых установок и ценностных ориентаций, заложенных в анкетном опросе, позволил выявить, что для молодежи в большей степени характерен «инструментально-прагматический» тип взаимоотношений в профессиональной среде, ори-

ентированный на высокий доход, престижность, целедостижительность и возможность профессионального и личностного развития.

Карьерные траектории vs личностного развития.

В представленной выборке рельефно обозначена ориентация молодежи на содержательные аспекты труда: интерес и возможность развиваться в профессии (ценность освоивания новых компетенций, субъективное ощущение профессионального прогресса, соответствие работы собственным интересам). Эта ценностная установка напрямую связана с карьерными ожиданиями: студенты считают, что за профессиональным ростом всегда следует карьерный. Подобная линейная модель карьерной траектории могла бы свидетельствовать о завышенных ожиданиях, однако, ее излишний позитив компенсируется достаточно «приземленными» оценками сферы занятости: 62% опрошенных признают важность конкуренции на рынке труда, и к ней готовы; при этом студенты с трудовым опытом на 7% меньше боятся конкуренции за интересующую их вакансию.

Эти результаты могут говорить, с одной стороны, об уверенности респондентов в собственных силах при трудоустройстве, с другой, о низком спросе на желаемую вакансию и, соответственно, о заниженных притязаниях молодежи.

Анализ распределения ответов показал наличие гендерных различий в оценке карьерных перспектив: для девушек они важны в 82,2% случаях, а для юношей в 73,8%. Связь между полом респондентов и оценкой карьерных перспектив является статистически значимой: $\chi^2(2) = 8,12$, $p = 0,017$. Вместе с тем, значение V Крамера (0,10) свидетельствует о небольшой силе выявленной связи.

Полученный результат косвенно согласуется с выводами современных зарубежных исследований карьерных притязаний молодежи. Так, Al-Bahrani et al. на выборке из 2717 учащихся десятых и одиннадцатых классов установили, что девушки демонстрируют более высокие показатели по шкале карьерных притязаний, чем юноши. Авторы также показали, что карьерные притязания связаны с академической успеваемостью, образовательным уровнем родителей и выбранным направлением математической подготовки [7].

Близкую направленность гендерных различий обнаружили Wicht, Miyamoto и Lechner на репрезентативной выборке из 10743 немецких девятиклассников: девушки, в среднем, ориентируются на профессии с более высоким социально-экономическим статусом, чем юноши.

Авторы связывают это различие не только с общей выраженностью карьерных амбиций, но и со спецификой профессиональных интересов: девушки чаще выбирают социальные и творческие направления, требующие более высокого уровня квалификации [8].

Вместе с тем, прямое сопоставление числовых показателей исследований невозможно из-за различий

в операционализации: в данном исследовании измерялась доля респондентов, считающих карьерные перспективы важными, тогда как в указанных исследованиях использовались шкала карьерных притязаний и социально-экономический статус желаемой профессии. Поэтому корректнее говорить о концептуальной согласованности выводов о гендерных разрывах карьерных ориентациях студенческой молодежи. При этом пол выступает лишь одним из многих предикторов карьерных установок, а его влияние опосредуется социально-экономическими, образовательными и ценностными факторами.

«Технари», «аграрии», «гуманитарии» и «медики»: оценочная вариативность трудовых установок.

Результаты анкетирования демонстрируют значимую дифференциацию трудовых установок в зависимости от направления подготовки, что позволяет говорить о формировании отчётливых социально-профессиональных профилей уже на этапе обучения. Так, ориентация на удаленную занятость в большей степени присуща студентам – «технарям» (52%), тогда как в сельскохозяйственных науках и науках об обществе этот показатель составляет 21,4% и 30% соответственно, а в медицинских группах фиксируется минимальное значение (18%).

Данные различия не сводятся к чисто технологической оснащённости профессий: они отражают глубинную структуру профессиональной деятельности, где технические специализации в большей степени допускают декомпозицию трудовых задач и их выполнение вне материально-предметной среды, тогда как медицинская и сельскохозяйственная практика онтологически привязана к непосредственному взаимодействию с пациентами, оборудованием или природными объектами.

Ценностный профиль будущих медиков демонстрирует наибольшую заинтересованность в престиже профессии (59%) в сравнении с «гуманитариями», «аграриями» и «технарями» (49%, 48% и 41% соответственно), а также ярко выраженную пользу обществу для будущих врачей важно, чтобы труд приносил пользу обществу и окружающим (68,5% против 36,3%, 50%, 35% соответственно), что отличает их от представителей других респондентов.

Вместе с тем, будущие медики, чаще всего, воспринимают труд инструментально, как средство достижения цели (59%). На первый взгляд, сочетание альтруистической мотивации и инструментального отношения может показаться противоречивым, однако, в контексте профессиональной культуры медицины, это образует устойчивый компенсаторный комплекс: длительный период профессиональной подготовки, высокая психоэмоциональная нагрузка и ограниченные возможности раннего карьерного старта формируют ожидание стабильности, материальной обеспеченности как закономерной компенсации за вложенные усилия.

Представители сельскохозяйственных наук на 18,9% реже, чем в среднем по другим профессиональ-

ным группам, указывают на необходимость соответствия работы личным интересам, а также меньше ориентированы на использование карьерных трамплинов и профессиональное развитие (на 19% и 21% ниже средних значений).

Такие различия могут быть обусловлены спецификой сельскохозяйственной сферы, в которой профессиональная траектория нередко зависит не только от индивидуальных интересов и карьерных стремлений, но и от территориальной доступности рабочих мест, состояния регионального рынка труда, сезонности занятости и ограниченного числа вариантов вертикального карьерного продвижения.

Кроме того, выбор соответствующего направления подготовки, в отдельных случаях, может определяться семейными традициями, близостью образовательной организации или прагматическими соображениями, а не устойчивым личным интересом к будущей профессии.

Организация учебного процесса и тренд на высокий уровень профессионализации студентов во время обучения акцентирует внимание на вариативности моделей поведения студентов при совмещении работы и учебы. Так, наибольшая распространенность подработки была выявлена у студентов – гуманитариев (52,4%) и «аграриев» (50%), чуть ниже у «технарей» (43,7%) и «медиков» (41,6%). Вероятно, различия связаны с интенсивностью и организацией учебного процесса: высокая аудиторная и практическая нагрузка в медицинском и техническом образовании может ограничивать возможности регулярной занятости, тогда как студенты общественных наук чаще могут выбрать работу с гибким графиком. При этом распространённость подработки не означает её соответствия осваиваемой специальности.

Наиболее тесная связь работы с будущей профессией наблюдается у студентов медицинских направлений: 72,6% указали на то, что подработка, так или иначе, связана со специальностью. Это может объясняться наличием доступных начальных позиций в медицинских организациях (младший медицинский персонал, сиделки), возможностью раннего включения в профессиональную среду и стремлением получить практический опыт ещё во время обучения.

Противоположная ситуация характерна для представителей наук об обществе: несмотря на наиболее высокую распространённость подработки, 77,6% респондентов указали на то, что она не связана с осваиваемой специальностью. Среди студентов инженерно-технических и сельскохозяйственных направлений непрофильная занятость также преобладает (59,7% и 61,3% соответственно).

Выявленное расхождение может свидетельствовать не столько о слабой профессиональной мотивации студентов, сколько о несоответствии между структурой доступных им вакансий и требованиями профильного рынка труда. Начальные позиции по специальности нередко предполагают наличие квалифи-

кации, практического опыта, профессиональных компетенций или возможность работать полный день, тогда как студентам преимущественно доступны рабочие места с гибким графиком, не требующие специальной подготовки.

Особенно показательно положение представителей наук об обществе: высокая вовлечённость в занятость при её слабой связи с направлением обучения может быть обусловлена широтой и размытостью профессионального поля, а также отсутствием чётко закреплённой траектории входа в профессию. В результате, подработка выполняет, прежде всего, материальную и адаптационную функции, но в меньшей степени способствует накоплению профильного опыта и профессиональной социализации, что в дальнейшем может осложнить переход выпускников от обучения к работе по специальности.

Таким образом, результаты исследования показывают, что трудовые ценности молодёжи представляют собой гибрид традиционных профессиональных этосов и инструментальных ценностей, сформированных рыночной средой и прекарными условиями раннего этапа карьеры.

Заключение.

Таким образом, наблюдаемые паттерны скорее свидетельствуют о стратегической переориентации: молодые люди готовы инвестировать в профессию, но при условии её практической реализуемости и социального признания, а при невозможности такой инвестиции – рационально смещают активность в смежные сегменты рынка труда. Внешне «инструментальное» отношение к труду может быть не симптомом девальвации профессионализма, а следствием адаптации к структурной неопределённости и дефициту гарантированных карьерных траекторий.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что трудовые ориентации студенческой молодёжи не образуют единой и внутренне однородной системы. Наряду с общей значимостью материального вознаграждения, карьерных перспектив и профессионального развития выявлены различия, связанные с гендерной принадлежностью, профилем подготовки и наличием трудового опыта.

Следовательно, современное отношение молодёжи к труду позволяет рассматривать не как отказ от традиционных трудовых ценностей, а как их переосмысление и включение в более сложную систему индивидуальных и профессиональных ожиданий.

Практическая значимость полученных выводов состоит в необходимости учета выявленной дифференциации при организации профессиональной ориентации, студенческой занятости и перехода выпускников от обучения к трудовой деятельности. Особого внимания требует согласование доступных студентам форм занятости с профилем их подготовки, поскольку практический опыт способен выполнять не только материальную и адаптационную, но и профессионально-социализирующую функцию.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад Центра трудовых исследований (ЦетИ) и Лаборатории исследования рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ. – 2017. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/861/86192da819e23b2d7ce2161f7718a32f.pdf> (дата обращения: 14.07.2026).
2. Российский статистический ежегодник. 2025: статистический сборник / Росстат. Москва: Росстат, 2025. 621 с.
3. Терешонков Т. А. Особенности трудового поведения современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 4. С. 421–426. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>. EDN: DMLDTS.
4. Диннер И. В. Трудовые ценности и их влияние на профессиональное самоопределение молодежи: эмпирический анализ // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2025. Т. 23, № 2. С. 97–105. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23\(2\).97-105](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23(2).97-105). EDN: PKBSAQ.
5. Баев П. А., Зимина Е. В. Труд в ценностной палитре современной России // Социология. 2024. № 4. С. 83–89. EDN: TLQSUO.
6. Поплавская А. А. Механизм формирования отношения молодежи к труду: сетевые связи и восприятие институтов // Социологическое обозрение. 2026. Т. 25, № 1. С. 85–111. URL: <https://sociologica.hse.ru/article/View/33396> (дата обращения: 17.07.2026).
7. Al-Bahrani M. A., Allawati S. M., Abu Shindi Y. A., Bakkar B. S. Career aspiration and related contextual variables // International Journal of Adolescence and Youth. 2020. Vol. 25, no. 1. P. 703–711. <https://doi.org/10.1080/02673843.2020.1730201> (дата обращения: 02.08.2026).
8. Wicht A., Miyamoto A., Lechner C. M. Are girls more ambitious than boys? Vocational interests partly explain gender differences in occupational aspirations // Journal of Career Development. 2022. Vol. 49, no. 3. P. 551–568. <https://doi.org/10.1177/0894845321991665> (дата обращения: 02.08.2026).

References:

1. Russian labor market: trends, institutions, structural changes: report of the Center for Labor Studies (CLS) and the Laboratory for Labor Market Research (LIMR) of the National Research University Higher School of Economics. – 2017. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/861/86192da819e23b2d7ce2161f7718a32f.pdf> (accessed July 14, 2026).
2. Russian Statistical Yearbook. 2025: Statistical Handbook. Moscow: Rosstat, 2025. 621 p.
3. Tereshonok T. A. Features of the work behavior of contemporary Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023. Vol. 23, no. 4. Pp. 421–426. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>. EDN: DMLDTS.
4. Dinner I. V. Work values and their influence on young people's professional self-determination: An empirical analysis. *Herald of Omsk University. Series: Economics*. 2025. Vol. 23, no. 2. Pp. 97–105. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23\(2\).97-105](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2025.23(2).97-105). EDN: PKBSAQ.
5. Baev P. A., Zimina E. V. Work in the value system of contemporary Russia. *Sociology*. 2024. No. 4. Pp. 83–89. EDN: TLQSUO.
6. Poplavskaya A. A. The mechanism shaping young people's attitudes toward work: Network ties and perceptions of institutions. *Russian Sociological Review*. 2026. Vol. 25, no. 1. Pp. 85–111. Available at: <https://sociologica.hse.ru/article/View/33396> (accessed July 17, 2026).
7. Al-Bahrani M. A., Allawati S. M., Abu Shindi Y. A., Bakkar B. S. Career aspiration and related contextual variables. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020. Vol. 25, no. 1. Pp. 703–711. <https://doi.org/10.1080/02673843.2020.1730201> (accessed August 2, 2026).
8. Wicht A., Miyamoto A., Lechner C. M. Are girls more ambitious than boys? Vocational interests partly explain gender differences in occupational aspirations. *Journal of Career Development*. 2022. Vol. 49, no. 3. Pp. 551–568. <https://doi.org/10.1177/0894845321991665> (accessed August 2, 2026).

Информация об авторах:

Суркова Ирина Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, кафедра управления персоналом, Поволжский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>, Email: surkova-iy@ranepa.ru

Нечаев Валерий Алексеевич, аналитик центра психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия. <https://orcid.org/0009-0004-7027-4119>, valerij.nechaev.02@mail.ru

Irina Yu. Surkova, Doctor of Sociology, Professor, Department of Human Resource Management, Povolzhsky Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia.

Valerij A. Nechaev, analyst, Center for Psychological and Economic Research, Povolzhsky Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.08.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.08.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.